

RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND
PUBLIC ADMINISTRATION (RANEPA)

RANEPA Working Paper

**«New global development conditions of international economic relations:
reforming directions»**

Authors:

Alexander Pakhomov – International Trade Research Laboratory of Applied Economic Research Institute of RANEPA, Leading researcher, Doctor of economic sciences,
ORCID: [0000-0002-6345-3723](https://orcid.org/0000-0002-6345-3723); E-mail: pakhomov-aa@ranepa.ru, manis-07@mail.ru.

Kniaz Bagdasaryan – International Trade Research Laboratory of Applied Economic Research Institute of RANEPA, research fellow,
ORCID: [0000-0003-4162-1076](https://orcid.org/0000-0003-4162-1076); E-mail: bagdasaryan-km@ranepa.ru

© 2021 RANEPA (MOSCOW, RUSSIA)

ABSTRACT

The study analyzes the latest trends in the reform of international economic relations, especially global trade and capital flows worldwide. It also analyzes the opportunities and limitations of Russia's participation in international economic reform processes in the interests of the national economy and foreign trade. The main purpose of the study is to identify emerging trends in global economy and international relations at the present stage and define the opportunities for Russia's participation in the new processes. The main objectives of the study are: a) to identify the main factors and areas of transformation of international economic relations; b) to determine possible directions of reforming various sectors of the global economy; c) to study potential shifts in the balance of power and interests in the global economy at different levels - i.e. country, region and global; d) to identify opportunities and limitations for the Russian Federation to participate in the processes of transformation of international economic relations with regard to national interests; e) to reveal the main directions of Russia's interaction with various groups of countries and international organizations under the new conditions. Special attention is given to the reform of global value chains, transformation of world trade and shifts in the balance of power in international economic relations. Finally, the study provides an expert assessment of the problem of maintaining the market status of the Russian economy and practical recommendations for a possible solution of this issue.

Keywords: international economic relations, globalization, global supply chains, transformation, multipolarity.

JEL classification: F02, F13.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ
ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (РАНХиГС)

ПРЕПРИНТ НИР

на тему:

**«НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ»**

Исполнители:

Пахомов А.А. – Международная лаборатория исследований внешней торговли ИПЭИ,
ведущий научный сотрудник, д.э.н. ORCID: [0000-0002-6345-3723](https://orcid.org/0000-0002-6345-3723),
E-mail: pakhomov-aa@ranepa.ru, manis-07@mail.ru.

Багдасарян К.М. – Международная лаборатория исследований внешней торговли
ИПЭИ, научный сотрудник, ORCID: [0000-0003-4162-1076](https://orcid.org/0000-0003-4162-1076)
E-mail: bagdasaryan-km@ranepa.ru, km.bagdasaryan@gmail.com.

Москва 2021

АННОТАЦИЯ

В работе анализируются новейшие тенденции реформирования международных экономических отношений (МЭО), прежде всего глобальной торговли и движения капиталов в мире. Также изучаются возможности и ограничения участия России в этих процессах в интересах развития национальной экономики и внешнеэкономической сферы страны. Основной целью исследования является определение новых тенденций развития международных экономических отношений на современном этапе и возможности участия России в этих процессах. Основными задачами исследования являются: а) выявление основных причин и сфер трансформации МЭО; б) определение возможных направлений реформирования различных секторов глобальной экономики; в) исследование потенциальных изменений баланса сил и интересов в мировой экономике на страновом, региональном и глобальном уровнях; г) определение возможностей и ограничений участия Российской Федерации в процессах трансформации МЭО с учетом национальных интересов; д) раскрытие основных направлений взаимодействия России в новых условиях с различными группами стран и группировками (международными организациями); е) подготовка предложений прикладного характера по адаптации внешнеэкономического комплекса России к новым условиям деятельности на мировых рынках. Особое внимание уделено реформированию глобальных цепочек добавленной стоимости, модификации мировой торговли, изменению баланса сил в международных экономических отношениях. Дается авторская оценка проблеме сохранения рыночного статуса российской экономики и практические рекомендации по возможному решению данного вопроса.

Ключевые слова: международные экономические отношения, глобализация, глобальные цепочки поставок, трансформация МЭО, многополярность.

JEL classification: F02, F13.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1 Основные направления реформирования международных экономических отношений	10
1.1. Причины и последствия модификации глобальных цепочек добавленной стоимости	10
1.2 Проблемы мировой экономики в эпоху пандемии	14
2 Изменение баланса сил и интересов на региональном и глобальном уровнях..	18
2.1 Современное позиционирование лидеров мирового роста.....	18
2.2 Тенденции развития международной торговли и становление интеграционных мега группировок	23
3 Проблемы сохранения рыночного статуса российской экономики	29
3.1 Теоретические основы рыночного статуса экономики	29
3.2 Прикладные аспекты возможного решения проблемы	31
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	34
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	37

ВВЕДЕНИЕ

В прошедшем десятилетии постепенно накапливались диспропорции развития мировой экономики, вызванные как непредсказуемостью практических социально-экономических и политических последствий глобализации, так и растущими противоречиями между основными участниками международных экономических отношений (МЭО) в условиях многополярности. Пандемия коронавируса и последовавший глобальный кризис ускорили необходимость реформирования МЭО с участием всех заинтересованных сторон с целью адаптации сложившейся системы отношений к реалиям современности.

В ближайшей перспективе ожидается модификация структуры и географического охвата мировых цепочек добавленной стоимости – одной из ключевых основ глобализации. Предполагается изменение баланса сил в мировой экономике и появление новых источников и центров роста, в том числе под воздействием экономического противостояния США и Китая, а также последствий этого конфликта для национальных хозяйств третьих стран. Опережающее развитие получают отрасли и сектора глобальной экономики, эффективно использующие современные инновации и технологии, особенно в сфере энергоперехода.

Российская Федерация, которая достаточно глубоко вовлечена в мировое хозяйство и международную торговлю, несмотря на взаимные политические и экономические санкции, прямо или косвенно будет затронута трансформацией системы МЭО. В этих условиях требуется проведение анализа воздействия новых тенденций глобального развития на экономику и внешнеэкономический комплекс России. Должна быть выработана повестка действий страны в новых геополитических и геоэкономических условиях на перспективу.

В работе предполагается исследовать новейшие тенденции реформирования международных экономических отношений, прежде всего глобальной торговли и движения капиталов в мире, а также оценить возможности участия России в этих процессах в интересах развития национальной экономики и внешнеэкономической сферы страны. Сказанное выше определяет актуальность представленной темы и ее новизну.

Основная цель исследования – определить новые тенденции развития международных экономических отношений на современном этапе и возможности участия России в этих процессах.

Ключевыми законодательными и нормативно-правовыми документами в этой сфере являются:

– Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»;

– Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Национальный проект «Международная кооперация и экспорт» (п.14));

– Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400 «О стратегии национальной безопасности»;

– Государственная программа РФ «Развитие внешнеэкономической деятельности» (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 330, (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 31 марта 2021 г. № 508));

– Проект Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов, (подготовлен Минэкономразвития России);

– Многосторонние и двусторонние международные договора Российской Федерации в сфере международных экономических отношений;

– Нормативно-правовые акты Российской Федерации в области регулирования внешнеэкономической деятельности.

Основными задачами исследования являются:

– выявить основные причины и сферы трансформации МЭО;

– определить возможные направления реформирования различных секторов глобальной экономики;

– исследовать потенциальное изменение баланса сил и интересов в мировой экономике на страновом, региональном и глобальном уровнях;

– определить возможности и ограничения участия Российской Федерации в процессах трансформации МЭО с учетом национальных интересов;

– раскрыть основные направления взаимодействия России в новых условиях с различными группами стран и группировками (международными организациями);

- подготовить предложения прикладного характера по адаптации внешнеэкономического комплекса России к новым условиям деятельности на мировых рынках.

Основные ожидаемые фундаментальные научные результаты данного исследования заключаются в следующем:

- на основе критического анализа фактологических материалов и статистических данных выявлены теоретические и эмпирические предпосылки трансформации (реформирования) системы международных экономических отношений на современном этапе;

- определены основные факторы воздействия новых условий международной среды на отдельные отрасли и сектора мировой экономики;

- исследованы возможности развития новых центров силы и зон роста в условиях процессов регионализации и фрагментации торгово-экономического пространства;

- дана оценка общих и конкретных факторов влияния реформирования МЭО на экономику и внешнеэкономические связи Российской Федерации;

- определены возможности, риски и проблемы участия России в процессах реформирования глобального хозяйства и международной торговой системы;

- выявлены приоритеты развития с целью минимизация издержек торгово-экономических отношений России с различными группами стран мира в новых условиях.

Прикладные результаты данной работы включают подготовку практических рекомендаций по возможностям участия страны в реформировании МЭО на перспективу и оптимизации российской внешнеэкономической политики в этой сфере, включая проблемы «нерыночных практик».

Научные и прикладные результаты исследования могут содействовать повышению эффективности экономической стратегии и внешнеторговой политики Российской Федерации, оптимизации функционирования ее внешнеэкономического комплекса, а также повышению уровня конкурентоспособности экономики в целом. Таким образом, основные выводы работы могут способствовать реализации национального проекта «Международная кооперация и экспорт» и других директивных документов, а также достижению поставленных в них целей.

Результаты данной НИР могут быть использованы в интересах: Департамента международного сотрудничества Правительства РФ, Экономического Управления

Администрации Президента РФ, а также Минэкономразвития России, МИД России, Минпромторг России, экспертных и общественных советов при этих ФОИВ, профильных комитетов ГД и СФ Федерального собрания, межправительственных структур (МПК) и др.

1 Основные направления реформирования международных экономических отношений

1.1. Причины и последствия модификации глобальных цепочек добавленной стоимости

В 2020 г. наметились тенденции реструктуризации глобальных цепочек создания стоимости (ГЦС) в сторону сокращения количества межстрановых звеньев и увеличения национальной (местной) компоненты даже за счет роста издержек. Это обусловлено стремлением, прежде всего, западных государств сократить зависимость от китайских поставок, а также развивать производство критически важной продукции (медицина и фармацевтика, информационные технологии, автомобилестроение и пр.) на собственной базе в силу соображений национальной экономической безопасности.

Глобальные цепочки создания стоимости (ГЦС) разбивают производственные процессы на отдельные этапы в различных точках земного шара для достижения эффективного производства, позволяя крупным компаниям стратегически организовывать разные звенья своей цепочки создания стоимости, такие как размещение на внутреннем рынке целевого клиента или на базе конкурента. С 1990-х годов, опираясь на либерализацию торговли через соглашения о свободной торговле (ССТ) и создание Всемирной торговой организации (ВТО), а также прогресс в сфере услуг и технологий привели к тому, что компании все больше структурировали международную торговлю вокруг глобальных цепочек создания стоимости. [1]

Более двух третей мировой торговли происходит через ГЦС, что представляет собой сдвиг в том, как осуществляется международный обмен, поскольку торговля промежуточными товарами и услугами превышает торговлю сырьевыми товарами и готовыми изделиями. Этот сдвиг делает все более трудным понимание и интерпретацию последствий тенденций торговых данных для экономик стран мира, как обычной статистики о торговле не относите какую-либо часть стоимости готовой промышленной и сельскохозяйственной продукции к промежуточным товарам или услугам.

Несмотря на растущее присутствие ГЦС в мировой экономике, недавние события высветили потенциальные риски и уязвимость этих цепочек, особенно тех, которые сосредоточены в конкретном регионе или зависят от одного поставщика. Мировые стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации и другие политические

обстоятельства, такие как пандемия коронавирусной болезни 2019 года (COVID-19), показали взаимозависимости между странами. В то же время взаимозависимость может способствовать более широкому экономическому росту и укреплению отношений между странами.

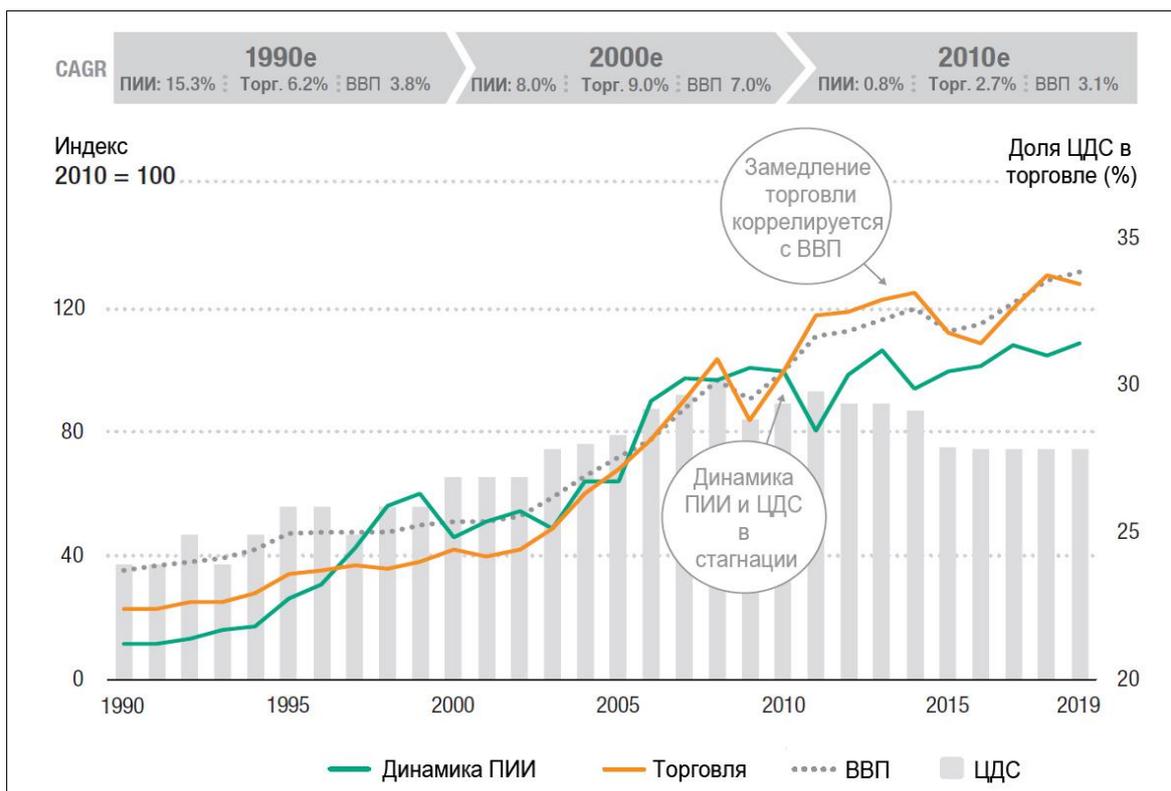
Хотя использование ГЦС может принести значительные выгоды, это может привести к дополнительным затратам и повышению рисков. Чтобы снизить риски и уязвимость, компании могут:

- 1) переосмыслить свои бизнес-модели и попытаться создать условия для повышения устойчивости;
- 2) больше сосредоточиться на более коротких местных или региональных цепочках создания стоимости и/или;
- 3) использовать новые технологии для снижения и диверсификации рисков и затрат. Эти изменения, вероятно, будут варьироваться в разных секторах промышленности, частично в зависимости от местоположения и наличия поставщиков и клиентов. [1]

Согласно Докладу ЮНКТАД о мировых инвестициях за 2020 год, международное производство будет подвергнуто значительным преобразованиям в предстоящее десятилетие, поскольку пандемия коронавируса усиливает существующие проблемы. ЮНКТАД осуществляет мониторинг и представляет доклады о прямых иностранных инвестициях (ПИИ) и деятельности многонациональных предприятий (МНП) за последние 30 лет, в течение которых международное производство испытывало значительные колебания. [2]

После глобального финансового кризиса 2008 года, несмотря на кратковременное восстановление, потоки трансграничных инвестиций в физические производственные активы прекратили расширяться наряду с вялым ростом торговли и замедлением глобальных производственно-сбытовых цепочек (рисунок 1).

Существующие тенденции, вытекающие из проблем растущего экономического национализма, новой промышленной революции и императива устойчивого развития, уже неуклонно приближались к точке перегиба, и вспышка пандемии, похоже, еще больше ускорит эту тенденцию.

Примечание:

- 1 * ПИИ, ВВП и торговля индексированы (2010 = 100)
- 2 Источник: [2]

Рисунок 1 – Динамика роста ПИИ, торговли, ВВП и ЦДС за период 1990-2019 гг.

Как показывает анализ эволюции современной глобализации, она происходила неравномерно в различные периоды и за счет разных факторов. Так, в конце XX века бурными темпами росли потоки ПИИ, а темпы роста международной торговли в 1,5 раза превышали динамику глобального ВВП. В 2000-е годы доминировали развитие мировой торговли, а в истекшем десятилетии – технологические факторы роста (см. таблицу 1). [3]

Таблица 1 – Среднегодовые темпы роста глобальных макроэкономических показателей (%)

	1990-1999 гг.	2000-2009 гг.	2010-2019 гг.
ВВП	3,8	7,0	3,1
ПИИ	15,3	8,0	0,8
Внешняя торговля	6,2	9,0	2,7
Доля ГЦС в торговле	25-27	28-30	27-28

Примечание – Источник: [1]

Рост международного производства в первые два десятилетия был обусловлен торговой политикой (волна либерализации и стратегия роста, ориентированная на экспорт), экономикой (возможности арбитража трудовых издержек и снижение затрат в торговле) и технологией (достижения, позволяющие тонко делить

производственные процессы и координацию в сложных трансграничных цепочках поставок).

Эти же факторы после мирового финансового кризиса 2008 г. начали двигаться в противоположном направлении, с возвратом протекционистских тенденций, постепенным снижением нормы прибыли на ПИИ и увеличением доли технологических активов в международных операциях. В результате после 2010 г. темпы роста международного производства застопорились.

Впервые это отразилось на торговле: мировой экспорт товаров и услуг, который на протяжении десятилетий рос более чем в два раза быстрее глобального ВВП, значительно замедлился по сравнению с экономическим ростом. Стагнация трансграничных инвестиций стала одним из ключевых факторов замедления темпов роста торговли в целом и торговли ГЦС, в частности, стал рост производственного потенциала на фоне слабой динамики глобального ВВП.

Кризис, вызванный COVID-19 на заре этого нового десятилетия, вывел на первый план существующие вызовы системе международного производства, вытекающие из нового (четвертого) технологического уклада, растущего экономического национализма и императива устойчивости.

Десятилетие до 2030 года, вероятно, станет десятилетием трансформации международного производства. Тенденции в области торговли и инвестиций проявляются в трех ключевых аспектах международного производства: степень фрагментации и протяженность производственно-сбытовых цепочек (от коротких до длинных), географический разброс добавленной стоимости (от концентрированной до распределенной) и выбор МНП в области управления, определяющий преобладание торговли на более короткие расстояния над ПИИ.

В докладе ЮНКТАД выделено несколько архетипических конфигураций, охватывающих отрасли, на которые в совокупности приходится решающая доля мировой торговли и инвестиций. К ним относятся капиталоемкие и трудоемкие отрасли в первичном секторе; высокотехнологичные и низкотехнологичные отрасли, интенсивно использующие ГЦС; географически рассредоточенные региональные перерабатывающие и узловые отрасли; отрасли услуг с высокой и низкой добавленной стоимостью.

Три ключевых технологических направления НИР будут формировать международное производство в будущем: автоматизация с использованием робототехники, расширенная цифровизация цепочки поставок и аддитивное (3D)

производство. Каждая из этих технологий будет оказывать различное воздействие на протяженность, географическое распределение и управление ГЦС.

Например, автоматизация с помощью робототехники снижает трудозатраты в производстве, увеличивает экономию от масштаба и может привести к повторному объединению и реформированию фрагментированных процессов. Применение цифровых технологий приводит к снижению управленческих и транзакционных издержек в производственных сетях, более эффективной координации сложных цепочек поставок и улучшению доступа снизу вверх к ГЦС для поставщиков МСП через платформы.

Аддитивное производство (трехмерных продуктов) приводит к более высокому географическому распределению часто аутсорсинговых видов деятельности на завершающих стадиях ГПЦ, расположению ближе к рынкам и клиентам, а также концентрации добавленной стоимости на этапе проектирования цепочки создания стоимости. [3]

1.2 Проблемы мировой экономики в эпоху пандемии

Глобальные цепочки поставок начали формироваться в начале 1990-х гг. с одной целью – максимизировать эффективность корпораций. Фирмы на местах стремились специализироваться и концентрироваться на конкретных задачах, предлагающих экономию за счет эффекта масштаба. Однако сейчас растут опасения, что эта глобальная сеть стала источником уязвимости. По мнению влиятельного журнала «Экономист», глобальные цепочки поставок по-прежнему являются источником силы, а не слабости. Устойчивость исходит не от автаркии, а от разнообразных источников снабжения. [4]

По мере борьбы с пандемией и растущей геополитической напряженностью правительства стран мира переходят от принципа эффективности к принципу устойчивости и самодостаточности. Заводы по производству автомобилей простаивают из-за дефицита полупроводников. Европейский Союз и Индия ограничили экспорт вакцин, что привело к срыву мировых усилий, направленных на всеобщую вакцинацию.

Несмотря на вышесказанное, было бы логичным укреплять цепочки поставок, а не наоборот. Когда речь идет о национальной безопасности, то правительства играют ключевую роль в повышении безопасности поставок. Тем не менее, мир не должен допустить отката от глобализации, который не только причинит большой вред, но и создаст непредвиденные новые проблемы.

Одна из претензий к глобализации заключается в том, что она концентрирует производство и ликвидирует буферные запасы. От цепочек поставок зависит ряд самых чувствительных сфер человеческой деятельности. Например, iPhone опирается на производственную сеть Apple, охватывающую 49 стран; у компании Pfizer, чемпиона по вакцинам, более 5000 поставщиков.

Но неустанное стремление к эффективности привело к сокращению запасов и дефициту. Более половины современных полупроводниковых приборов производится на нескольких заводах на Тайване и в Южной Корее. В Китае перерабатывается 72% мирового кобальта, используемого в аккумуляторах электромобилей. Консалтинговая компания McKinsey считает, что Китай монополизировал экспорт около 180 продуктов. Такая зависимость особенно опасна, когда геополитика становится все более конфронтационной. Ослабление правил международной торговли заставило страны относиться друг к другу с меньшим доверием.

Во время пандемии страны мира ввели более 140 специальных торговых ограничений, и многие незаметно ужесточили меры контроля за иностранными инвестициями. По мере усиления соперничества между США и Китаем растет угроза введения эмбарго или даже военного конфликта. При предыдущем президенте Д.Трампе США расшатали мировую торговлю, и президент Джо Байден вряд ли будет тратить на ее восстановление много усилий.

Роль правительств в обеспечении безопасности поставок должна усиливаться, однако при действующих правилах мировой торговли она ограничена. Они могут поддерживать научные исследования и разработки, в том числе в области новых источников энергии. Кроме того, субсидии и внутренние преференции оправданы только в том случае, если жизненно важные сферы находятся под монопольным воздействием какого-либо внешнего поставщика. Под эту категорию попадают некоторые редкие полезные ископаемые, но не товары повседневного использования (например, антисептик для рук).

Опасность заключается в том, что государства выходят за рамки принципа минимального вмешательства в экономику. В частности,

- протекционистский лозунг премьер-министра Индии Нарендры Моди призывает отдавать предпочтение продуктам местного происхождения (англ. «vocal for local»);

- 24 февраля 2021 г. Д.Байден распорядился провести 100-дневный обзор безопасности американских цепочек поставок;

– 9 марта 2021 г. ЕС заявил, что удвоит свою долю в мировом производстве электронных микрочипов к 2030 году до 20%, а до 2025 г. планирует стать самодостаточным и независимым в области производства аккумуляторных батарей;

– в 2020 г. Си Цзиньпин запустил в стране «двухконтурную финансовую систему», направленную на защиту экономики Китая от давления извне.

Подобные заявления имеют неопределённые последствия для экономики, однако предпочтение, отдаваемое внутренним рабочим местам и обрабатывающей промышленности, а также обещания о субсидиях могут знаменовать собой точку, с которой мир отойдёт от свободной торговли и открытых рынков. Подобный поворот в сторону автаркии вряд ли будет оправдан. Одна из причин заключается в том, что управляемые правительством внутренние производственно-сбытовые цепочки еще менее устойчивы, чем глобальные.

Несмотря на закупку бобовых и макаронных изделий на 8 трлн.долл., глобальные цепочки поставок продуктов питания быстро адаптировались, сохранив запасы в большинстве супермаркетов. Несмотря на споры о том, как распределять вакцины, глобальные сети в этом году должны осуществить поставку 10 млрд. единиц совершенно новых вакцин. Самообеспеченность звучит безопасно, но рядовые граждане и их правительства должны помнить, что их питание, телефоны, одежда и возможность вакцинироваться – все это продукты глобальных цепочек поставок.

Призыв к самодостаточности также нарушает равновесие между издержками взаимозависимости, которые являются относительно приемлемыми и видимыми, и ее преимуществами, которые продолжают оставаться недооцененными. Потеря эффективности и затраты на дублирование общих производственных цепочек будут губительными: суммарные иностранные инвестиции компаний составляют 36 трлн.долл.

Рост издержек, обусловленный тем, что отечественные фирмы защищены от конкуренции субсидиями или тарифами, в конечном итоге будет компенсирован скрытым налогом на потребителей. В конце концов, политика самообеспеченности обернется наказанием для малых и бедных стран, которые не смогут иметь доступа к передовым отраслям промышленности. Если обрабатывающая промышленность в конечном итоге будет сконцентрирована на внутреннем рынке, то даже крупные страны будут подвержены внутренним потрясениям, лоббированию и недостаткам собственных производителей, как это может обнаружиться у США в случае с корпорацией «Интел».

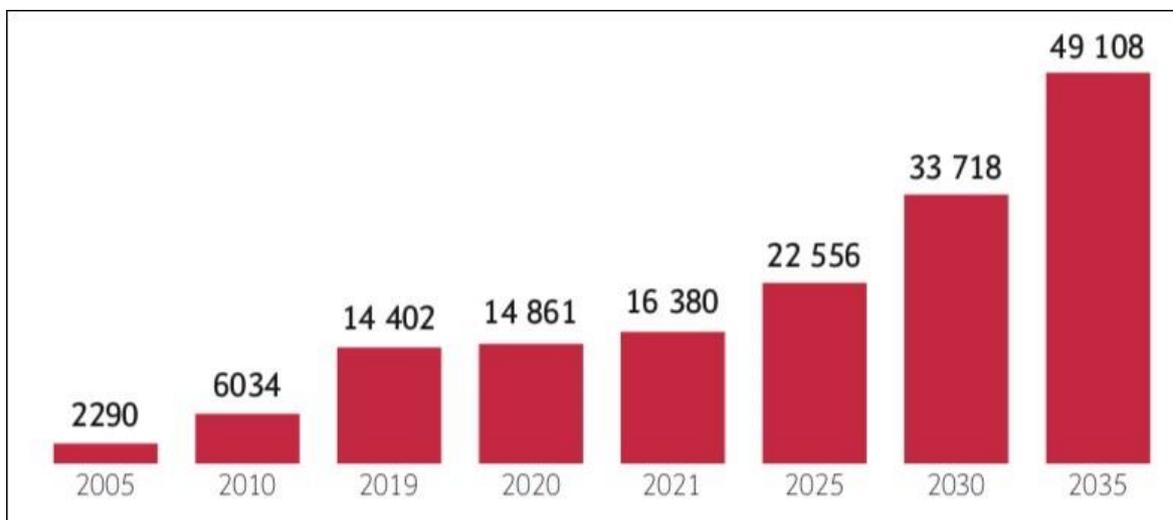
Экономическая устойчивость достигается не за счет автаркии, а за счет различных источников поставок и постоянной адаптации частного сектора к потрясениям. Со временем глобальные компании приспособятся даже к долгосрочным угрозам (включая напряженность в отношениях между США и Китаем) и изменениям климата, постепенно перемещаясь на новые рынки, где будут востребованы новые инвестиции. Данный момент международных отношений является весьма опасным для мировой торговли. Подобно тому, как глобализация способствует открытости, так и экономический протекционизм в одной стране будет передаваться в другие государства. [4]

2 Изменение баланса сил и интересов на региональном и глобальном уровнях

2.1 Современное позиционирование лидеров мирового роста

Согласно мнению известного исследователя глобальной торговой политики из США К.Ванграстека, основной вызов торговой системе, которая зависит от гегемонистского лидерства, это закон неравномерности развития. Он предполагает наличие страны-лидера (гегемона), а также основного претендента на этот статус и других конкурентов. Открытая система может привести к более быстрому росту для средних в экономическом смысле держав, чем для лидера, и некоторые из этих потенциальных номинантов в конечном итоге станут претендентами на лидерство. [5]

Главная проблема на современном этапе заключается в том, как Соединенные Штаты и Китай могут справиться с соперничеством, в котором коммерческие цели снова переплетаются с военными и политическими интересами. Такая ситуация во многом обусловлена бурным ростом Китая, который продолжается в настоящее время и, очевидно, сохранится на перспективу (см. рисунок 2).

Примечание – Источник: The Centre for Economics and Business Research [6]

Рисунок 2 – Динамика ВВП Китая в текущих ценах, млрд. долл.

Так, КНР – единственная мировая держава, чья экономика выросла в 2020 году. Как следует из отчета базирующегося в Великобритании Центра экономических и деловых исследований (CEBR), Китай в 2028 году, на пять лет раньше предполагавшегося срока, перегонит США и станет ведущей экономикой мира по

объему ВВП. [6] Этому, по мнению аналитиков, способствуют эффективные действия китайских властей по борьбе с пандемией. [7]

По экономическим показателям Индия в ближайшее десятилетие обойдет Германию и Японию. Экономика Великобритании после Брексита в 2021-2025 годах будет расти на 4% в год. Индия, обогнавшая Соединенное Королевство в 2019 г. и занявшая пятое место в мире, из-за пандемии откатилась назад и, по данным CEBR, вновь догонит Британию не ранее 2024 г. Однако ее рост потом уже ничто не будет сдерживать, и в 2027 г. она обойдет Германию, а к 2030 году и Японию, т.е. выйдет на третье место в мире (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Рейтинг ведущих стран мира по ВВП (в текущих ценах) в динамике за 2005-2035 гг.

Рейтинг страны	2005	2010	2015	2020	2021	2025	2030	2035
США	1	1	1	1	1	1	2	2
Китай	5	2	2	2	2	2	1	1
Япония	2	3	3	3	3	3	4	4
Германия	3	4	4	4	4	4	5	5
Великобритания	4	6	5	5	5	6	6	6
Индия	13	9	7	6	6	5	3	3
Франция	6	5	6	7	7	7	7	7
Италия	7	8	8	8	8	10	13	14
Канада	8	11	10	9	9	8	9	12
Ю. Корея	10	14	11	10	10	9	11	11
Россия	14	10	12	11	11	12	10	10
Бразилия	11	7	9	12	13	11	8	9
Австралия	15	13	13	13	12	13	14	15
Испания	9	12	14	14	14	15	15	13
Индонезия	24	18	17	15	15	14	12	8
Мексика	12	15	15	16	16	16	16	16
Нидерланды	16	16	18	17	17	17	17	18
Швейцария	18	19	19	18	18	19	19	23
Саудовская Аравия	22	20	20	19	19	20	18	17
Турция	17	17	16	20	22	18	20	20
Тайвань	21	25	22	21	20	22	23	26
Иран	30	22	30	22	21	24	46	35
Польша	26	24	25	23	23	21	21	24
Швеция	19	21	23	24	24	25	26	30
Таиланд	35	31	27	25	25	26	22	21
Бельгия	20	23	26	26	26	27	32	38
Нигерия	38	30	24	27	27	23	27	27
Австрия	23	28	29	28	28	33	35	41
Ирландия	31	43	41	29	31	31	31	31
Израиль	41	40	39	30	32	32	30	29

Примечание – Источник: The Centre for Economics and Business Research [6]

Показательно, что страны БРИКС здесь уже не выглядят единой группой, как это было ранее, а показывают сугубо индивидуальные тенденции роста. В целом же, как предсказывают аналитики CEBR, с 2026 г. по 2035 г. рост реального обменного

курса подтянет Россию на 10-е место в рейтинге. Она обойдет Канаду, Италию и Южную Корею, хотя окажется ниже Индонезии. [6] Причем продвижение Российской Федерации в этом рейтинге будет обусловлено не в последнюю очередь благодаря недооцененному сейчас, но достаточно мощному IT-сектору. [8] [9]

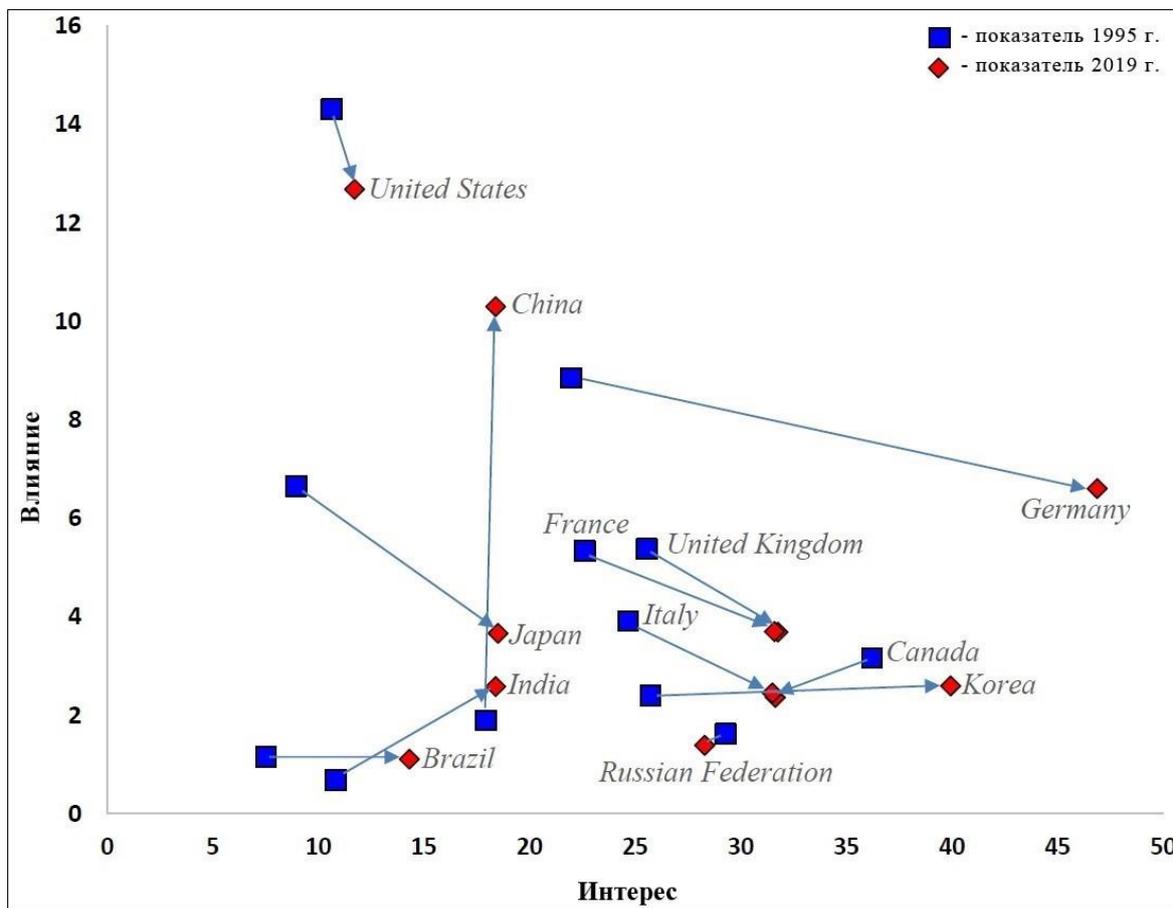
Динамика экономического роста у крупнейших государств мира во многом будет определяться укреплением их позиций в международной торговле. Получить более глубокое представление о меняющихся позициях Соединенных Штатов, Китая и других стран-потенциальных лидеров в глобальном товарообороте и мировой экономике можно, изучив изменения их положения в международной торговле с момента начала функционирования ВТО в 1995 г. до настоящего времени.

В данном случае оригинальную методику динамики и соотношения «интересов» и «влияния» ведущих торговых держав мира предлагает американский исследователь Крэйг Ван Грастек (Craig VanGrasstek). Согласно его подходу, обобщенные данные (см. рисунок 3) содержат упрощенное предположение, что большинство стран имеют в основном меркантилистские взгляды, так что они определяют национальные интересы в соответствии с потенциалом своего экспорта и, естественно, будут воспринимать влияние других государств в зависимости от размера их импортных рынков. [5]

В настоящее время США остаются крупнейшим рынком сбыта для мирового импорта товаров и услуг, их доля в общем объеме снизилась лишь немного – с 14,3% в 1995 г. до 12,7% в 2019 г. В то же время экспортная зависимость США выросла очень незначительно в абсолютном выражении, но фактически упала по отношению к среднемировому показателю. Если экспорт товаров и услуг США вырос с 10,6% ВВП в 1995 г. до 11,7% в 2019 г., то в целом по миру этот показатель увеличился с 21,9% до 30,5%, т.е. почти в полтора раза за четверть века. Это является одним из главных последствий глобализации.

Так, если по состоянию на 1995 г. всего одиннадцать стран мира были менее зависимы от экспорта (по размеру т.н. экспортной квоте – менее 10%), чем США, то к 2018 г. число таких стран уменьшилось до семи: Бурунди, Гаити, Непал, Нигер, Судан, Эфиопия и Пакистан, что обусловлено их низким уровнем развития, за исключением последнего случая. Поэтому неудивительно, что американские законодатели склонны уделять вопросам глобальной торговли меньше внимания, чем их партнеры в большинстве других государств. Таким образом, США имеют большее

значение для мировой экономики, чем мировая экономика – для Соединенных Штатов.

Примечания:

- 1 под «влиянием» понимается доля страны в мировом импорте товаров и услуг;
- 2 под «интересом» понимается соотношение экспорта товаров и услуг страны к ВВП;
- 3 Источник: [5]

Рисунок 3 – Изменение пропорций «интересов» и «влияния» крупнейших торговых держав мира за период 1995-2019 гг.

Вместе с тем, если изменение позиций США за рассматриваемый период были незначительными, то доля Китая в мировом импорте в настоящее время в пять раз больше, чем в конце XX века, когда была создана ВТО. Однако за тот же период доля экспорта по отношению к ВВП Китая, являющаяся индикатором зависимости экономики от экспорта, практически не изменилась. В частности, эти наблюдения показывают, почему Китай не решился использовать свое растущее влияние на реформирование ВТО. Его позиция в некоторой степени напоминает позицию США,

поскольку доля экспорта обеих стран по отношению к ВВП непропорционально меньше их доли в общем объеме мирового импорта.

Подобные условия позволяют делать выводы относительно значимости глобальной торговли как средства для достижения других целей (экономических или политических) при взаимодействии со своими партнерами. Здесь, по мнению К. Ван Грастека, возникает тонкое коммерческое искусство «джиуджитсу» (японск. «jū jitsu» – тонкое искусство), или искусство максимизации рычагов воздействия на чей-либо рынок при минимизации риска для собственного рынка. Это умение является наиболее полезным и действенным, когда оно используется на двусторонней (взаимной) основе.

Кому-то может показаться, что эта конструкция основана на устаревшей концепции межгосударственных отношений, и что вместо американского или китайского лидерства можно иметь более равноправную форму управления. Подобные рассуждения подразумевают, что мир сейчас является достаточно зрелым для того, чтобы относиться к открытому глобальному рынку как к общемировому общественному благу, которое многие помогают создавать и сохранять. Такая ситуация потребует вовлеченность большей части мирового сообщества, в котором средние по размеру экономики (государства) будут выстраивать свою политику так, чтобы не допустить формирования и реализации сильной коллективной власти стран-лидеров.

При рассмотрении тенденций, характерных для традиционных американских союзников в Европе, видно, что четыре крупнейшие экономики следуют общей схеме. Германия (хотя «интерес» здесь резко возрос), Франция, Италия и Великобритания в настоящее время значительно более зависимы от экспорта, чем четверть века назад, однако в каждой из этих стран также наблюдается снижение их доли в мировом импорте товаров и услуг. Возможность Европейского союза оказывать позитивное влияние на многостороннюю торговую систему была еще больше снижена в результате Брекзита и массового поспешного перехода стран к региональным и мегарегиональным интеграционным соглашениям во всем мире.

Естественным лидером в данном случае среди крупнейших экономик мира, где наблюдается одновременный значительный рост зависимости от экспорта (т.е. интерес), а также её доли в мировом импорте товаров и услуг (т.е. влияние), является Индия. В настоящее время индийские политики менее скептически в отношении

глобальной торговли, чем в прошлом, но для установления лидирующих позиций стране предстоит осуществить определенный трансформационный переход.

Что касается стран Восточной Азии, то несмотря на то, что их экспортная зависимость выросла, влияние этих государств (т.е. их доля в глобальном импорте) либо значительно сократилось (например, Япония), либо возросло лишь незначительно (Ю. Корея).

Остальные данные, показанные на рисунке 3, также не дают оснований ожидать сильного продвижения от Бразилии (чье влияние, похоже, сгладилось даже при росте ее экспортной зависимости), Канады (единственной страны из дюжины указанных стран, где «интерес» и «влияние» упали) или Российской Федерации (единственного государства, где практически не видно изменений ни по одному из этих измерений за четверть века).

В целом, многосторонняя торговая система сегодня определяется не только растущим китайским вызовом американскому лидерству и снижением интереса США к ответу на этот вызов через многосторонние инициативы, но и уменьшением возможностей (на основе баланса роста интереса и влияния) других игроков представлять третью альтернативу, например, из числа членов Евросоюза. [5]

В этой связи необходимо более детально рассмотреть воздействие на дальнейшее развитие мировой и региональной торговли реализации нового торгового Соглашения между Великобританией – одной из крупнейших экономик мира и Евросоюзом, включая его ведущих членов – Германию, Францию и Италию.

2.2 Тенденции развития международной торговли и становление интеграционных мега группировок

Весной 2021 г. Секретариат Всемирной торговой организации опубликовал традиционный ежегодный обзор о предварительных итогах глобального товарооборота товарами и услугами в прошедшем году и перспективах его развития под характерным названием «Мировая торговля подготовлена к сильному, но неравномерному восстановлению после пандемического шока COVID-19». [10]

Согласно оценкам экспертов ВТО, глобальная торговля товарами в номинальном (долларовом) выражении сократилась в 2020 г. на 7%, а поставки коммерческих услуг – на 20%. При этом в 2020 г. выявились сферы наибольшего кризиса: падение цен на нефть привело к уменьшению торговли топливом по стоимости на 35%, а туристические услуги снизились на 63% в. и, как ожидается, полностью восстановятся только после пандемии

Объем мировой торговли товарами, по прогнозу ВТО, увеличится на 8,0% в реальном выражении в 2021 г. после падения на 5,3% в 2020 г., что оказалось меньше, чем предполагалось ранее (13-32%). Рост международной торговли, вероятно, замедлится до 4,0% в 2022 г., при этом ее общий объем останется ниже предпандемического тренда. Глобальный ВВП по рыночным обменным курсам должен увеличиться на 5,1% в 2021 г. и на 3,8% в 2022 г. после сокращения на 3,8% в 2020 г.

В страновом разрезе подавляющее большинство государств мира из топ-50 показали отрицательные темпы роста торговли товарами как по экспорту, так и по импорту. Позитивная динамика по экспорту зафиксирована только в Китае, а также Гонконге, Тайване и Вьетнаме – группе государств из одного макрорегиона, что обусловлено их тесными связями с китайской экономикой. Также небольшой прирост зафиксирован в отдельных странах Европы – Швейцарии, Польше и Ирландии. По импорту был рост импорта отмечался только в Швейцарии, Вьетнаме и Турции. Показательно, что в сфере торговли услугами во всех странах топ-50 зафиксирован спад, как по импорту, так и по экспорту.

По мнению ряда экспертов, эпоха, когда развитие международных экономических связей, определяли принципы свободы торговли, прошла. Поэтому встает вопрос, что пришло ей на смену, однако, как представляется, здесь ситуация не столь однозначная. Международная торговля всегда развивается с учетом двух противоположностей – либерализации и протекционизма, с доминированием одной из этих тенденций в зависимости от складывающихся условий в мировой экономике и политике. Поэтому заявлять об эпохе свободной торговли в чистом виде или, наоборот, стадии протекционизма было бы некорректно. [11]

Здесь можно говорить о длинных циклах или периодах мировой конъюнктуры, которые носят временный характер. Многосторонняя торговая система (МТС) под воздействием внутренних и внешних факторов постоянно саморазвивается и на современном этапе ее динамика становится более турбулентной. При этом сами торговые барьеры постоянно модифицируются и появляются их новые формы. Так в XXI веке на смену традиционным тарифным ограничениям пришли нетарифные меры, а также барьеры в сфере поставок услуг и технологий.

С середины нынешнего десятилетия, помимо волны взаимных санкций, на первый план вышли тарифные ограничения, которая администрация США ввела не только против Китая, но и других ведущих торговых державы мира, ссылаясь на

интересы национальной безопасности. Отчасти эти меры были политизированы, поэтому привлекли столь пристальное внимание.

Также возникает вопрос, сколько «стоят» мировой и российской экономике введенные ограничения в торговле? На этот вопрос нет точного ответа, т.к. это зависит от методологии подсчета, а главное – трактовки самого понятия «ограничения», например, на страновом уровне или в рамках отдельной товарной позиции. Надо понимать, что подавляющее число применяемых в мире ограничительных мер легитимны, т.е. основаны на нормах и правилах ВТО, а также положениях национального законодательства. В узком смысле можно говорить только о дискриминационных мерах, т.е. не имеющих правовых оснований, но таких ограничений немного. [12]

Будут ли и дальше эти ограничения только множиться? Здесь необходимо разобраться, что происходит, что является первопричиной этого процесса на современном этапе. В текущем десятилетии традиционные основы функционирования МТС постепенно размывались под воздействием комплекса факторов. Среди них – изменение баланса сил и интересов ведущих мировых держав, торговые конфликты, регионализация, а также системный кризис деятельности ВТО.

Дополнительные дисбалансы в международный товарооборот внесло массовое применение санкций и ограничений на межгосударственном уровне по неэкономическим причинам. Прежде всего, это торговый конфликт между США и Китаем, что негативно отразилось на международной торговле и экономике третьих стран. Данные противоречия усугубились в 2020 г. под влиянием пандемии и последующего мирового кризиса.

Конечно же, значительный эффект на современные глобальные процессы оказала эпидемия коронавируса. Естественно, что столь масштабная и неожиданная пандемия привела к массовому введению ограничительных мер. Так, уже с марта 2020 г. почти половина стран мира стали вводить ограничения и запреты (их несколько сотен) на экспорт средств индивидуальной защиты, части лекарств и медицинского оборудования, а также ряд других товаров, что вполне объяснимо. Однако эти же государства одновременно упрощали правила ввоза указанной продукции. Вместе с тем, к концу года наметилась тенденция отмены экспортных ограничений по мере насыщения внутренних рынков этой продукцией.

Также необходимо проанализировать без субъективизма, какие гарантии стабильности международной торговли способна сейчас дать ВТО. Или эту

организацию можно списать со счетов, и нужен новый механизм переговоров и разрешения торговых споров.

Реализация пакета соглашений (норм и правил) ВТО и выполнение всеми странами-членами организации своих обязательств создает вполне определенные условия для стабильного развития международной торговли. Как минимум, это гарантирует определенный уровень недискриминации, что уже важно. Всемирная торговая организация продолжает в целом выполнять свои основные функции, хотя не столь эффективно как это было раньше. Причиной тому – внутренние противоречия и внешнее давление, но говорить о ликвидации этого уникального многостороннего института явно преждевременно, т.к. реальной альтернативы ВТО нет. Многие проблемы организации могут быть решены при участии всех заинтересованных сторон и их реального стремления к достижению компромиссов.

В итоге необходимо определить перспективы развития международной торговли в современных условиях. Как представляется, уже в ближайшей перспективе – по мере спада очередной волны пандемии и выхода ведущих стран мира на положительные темпы роста – динамика международной торговли будет постепенно восстанавливаться, в том числе за счет снятия части временных барьеров и ограничений.

Кроме того, можно ожидать, что администрация Д. Байдена будет нацелена на нормализацию экономических отношений и сближение с ЕС и другими партнерами США. Помимо этого, возможно проведение менее агрессивного курса в отношении КНР, что окажет позитивное воздействие на развитие глобальной торговли. Таким образом, сочетание новых макроэкономических и геополитических факторов могут содействовать возвращению международного товарооборота на траекторию роста и либерализации.

Помимо этого, необходимо принимать становление нескольких интеграционных мега-блоков, точное влияние которых на развитие мировой торговли и глобальной экономики пока трудно предсказать. Самый большой сдвиг в этой тенденции начался в 2013 году, когда администрация Б.Обамы запустила Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (ТТИП) между США и ЕС.

Однако Д.Трамп приостановил эти переговоры в 2017 г., затем в 2018 г. провел их ребрендинг как совпадающей пары переговоров по заключению соглашений о ЗСТ между США и ЕС, а также США и Великобританией. Эти инициативы, наряду с параллельными планами по созданию американо-японской ЗСТ, в настоящее время

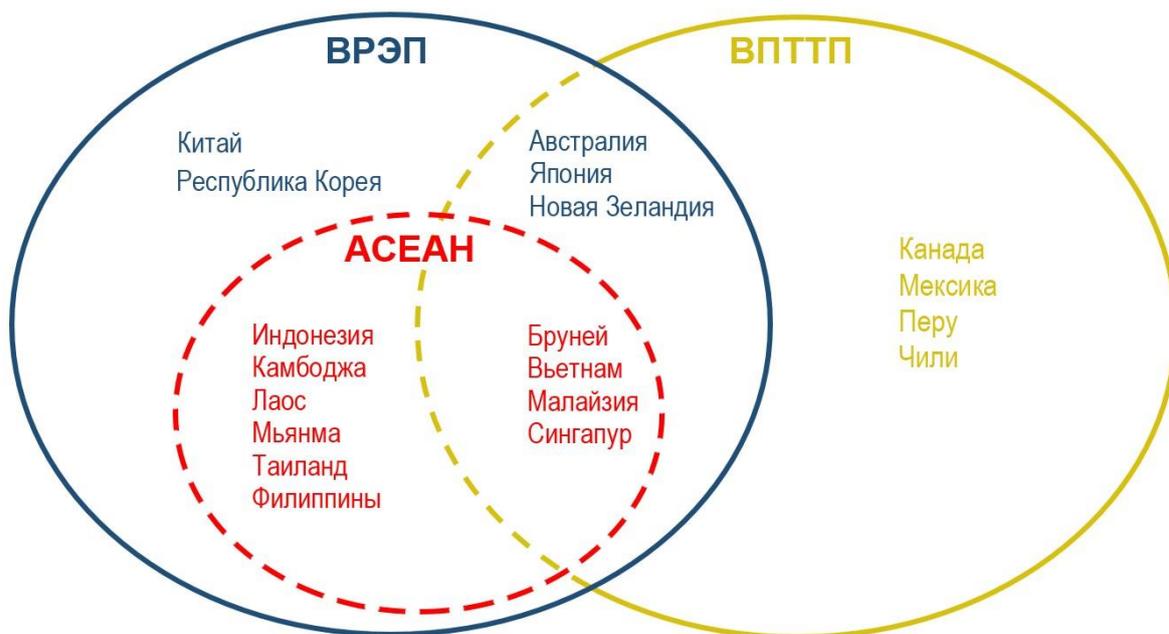
затрагивают шесть из восьми крупнейших в мире национальных экономик, каждая из которых могла бы приложить усилия для некоторого «оживления» деятельности ВТО.

Также необходимо отметить появление в 2021 г. Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) – The Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). Это новое региональное торговое соглашение между десятью членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и пятью их крупнейшими партнерами по действующим ЗСТ – Австралией, Китаем, Японией, Новой Зеландией и Южной Кореей.

После восьми лет напряженных переговоров Соглашение было подписано 15 ноября 2020 г. на 4-м саммите ВРЭП, который проходил во Вьетнаме. Многие эксперты рассматривали подписание этого договора как успех сторонников многосторонней торговой системы, которая сталкивается с множеством проблем, включая глобальный экономический спад, растущий протекционизм и торговые споры. [13]

Подписанию настоящего соглашения предшествовало вступление в силу другого «мега-регионального» торгового договора – Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПСТП или ТТП-11) – Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP or TPP-11), в состав которого входят семь наиболее развитых или конкурентоспособных членом ВРЭП.

Это обусловлено тем, что уровень интеграции в ВРЭП, как правило, является менее углубленным по сравнению с другими соглашениями, включая USMCA или ТТП-11 (см. рисунок 4). [14]

Примечание – Источник: составлено автором на базе [15]

Рисунок 4 – Состав участников мега-блоков ВПТТП и VRЭП в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Хотя по макроэкономическим показателям на долю членов VRЭП приходится около 30% глобальной торговли и ВВП мира, что дает возможность новому блоку реструктурировать некоторые модели торговли и азиатских производственно-сбытовых цепочек за счет снижения торговых издержек и упорядочения правил сначала региональной, а в перспективе –возможно и мировой торговли.

3 Проблемы сохранения рыночного статуса российской экономики

3.1 Теоретические основы рыночного статуса экономики

С 2018 г. группа развитых и развивающихся стран готовят для рассмотрения в ВТО новые правила по ограничению государственного субсидирования и детализации критериев рыночной экономики. Реализация данных норм допускает применение ограничений (в т.ч. дискриминационного характера) во внешнеэкономической сфере к странам с нерыночной экономикой. Прежде всего, это будет касаться деятельности на внешних рынках госкомпаний и предприятий с государственным участием, что создает риски для России.

1) Возможные новые правила направлены, прежде всего, на нейтрализацию недобросовестной конкурентной практики Китая во внешнеэкономической сфере, но будут распространены на другие страны (включая Россию), которые расширили использование спорных мер господдержки своих компаний на внешних рынках.

2) Данные подходы к выработке новых правил Всемирной торговой организации (ВТО) затрагивают не только традиционную систему антидемпинговых (АД) расследований, но и такие сферы, как компенсационные механизмы субсидирования и недобросовестной конкуренции в международной торговле.

3) Основным объектом таких правил могут стать госкомпании и предприятия с государственным участием, действующих во внешнеэкономической сфере, прежде всего, при экспорте товаров, услуг и капиталов.

4) Пассивная позиция российской стороны в отношении имеющих претензий ЕС и США по этим проблемам может поставить под сомнение рыночный статус экономики страны, что повлечет за собой дополнительные ограничения деятельности отечественных компаний на внешних рынках.

Инвентаризация российского законодательства и нормативно-правовых актов, включая законопроекты, а также практики их применения на предмет соответствия действующим и разрабатываемым критериям рыночной экономики, особенно в сфере ценообразования, механизмов субсидирования, программ импортозамещения и деятельности госкомпаний

В практическом плане статус рыночной экономики (market economy status) означает, например, в законодательстве США и ЕС, что при проведении АД-

расследований в отношении компаний-экспортеров из конкретной страны себестоимость их товаров рассчитывается на основе национальных данных страны экспорта, а использование т.н. суррогатных цен из «третьих» стран (как в случае нерыночных экономик) не применяется¹. Примерно также проходят компенсационные расследования по субсидируемому экспорту.

В более широком смысле рыночный статус – это «знак качества» национальной экономики, основанной на рыночных принципах свободного предпринимательства и конкуренции. Рыночная экономика не отрицает государственного регулирования и контроля, а также госсобственности, но предполагается, что государственные органы не предоставляют индивидуальные льготы (привилегии) национальным компаниям во внешнеэкономической деятельности.

В Российской Федерации была проведена многолетняя целенаправленная работа, в результате чего в 2002 г. страна была признана рыночной экономикой со стороны ЕС и США, которые предоставили этот статус на основе критериев своего национального внешнеторгового законодательства. Позднее данный статус Россия получила и от других ведущих торговых партнеров. [16] Это был большой исторический успех, т.к. многие присоединившиеся к ВТО страны до сих пор классифицируются как нерыночные экономики (например, Китай, Вьетнам, Армения, Киргизия, Молдова, Таджикистан и др.). [17]

Китай, даже став членом ВТО в 2001 г., так и не получил искомого статуса. Более того, в документах об условиях присоединения КНР было зафиксировано «поражение в правах» до конца 2015 г. Однако развитые государства так и не стали признавать Китай рыночной экономикой, принимая во внимание, что экономическая экспансия компаний этой страны базируется на массивной поддержке государства.

В октябре 2020 г. инициативная группа стран – Бразилия, США и Япония в рамках ВТО подготовили предложение о важности рыночно ориентированных условиях в мировой торговой системе. В нем подчеркивается, что именно рыночные условия имеют решающее значение для обеспечения равных условий, более справедливой и открытой мировой торговой системы, приносящей пользу всем странам-членам ВТО. В этой связи Бразилия, Япония и США предлагают, чтобы предприятия (компании) стран-членов работали в равных условиях и выделяют

¹ См. Статью VI «Антидемпинговая и компенсационная пошлина» Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (ГАТТ-94). [23]

следующие основные критерии и сферы деятельности, определяемые рыночными принципами, для всех участников мировой торговли:

- 1) самостоятельные решения предприятий о ценах, затратах, используемых ресурсах, закупках и продажах;
- 2) самостоятельные решения предприятий об инвестициях;
- 3) определение цены на капитал, рабочую силу, технологии и другие факторы на основе спроса и предложения;
- 4) самостоятельное принятие решений о распределении капитала предприятий или затрагивающие их интересы;
- 5) предприятия подчиняются международно-признанным стандартам бухгалтерского учета, включая независимый бухгалтерский аудит;
- 6) предприятия подчиняются рыночному и корпоративному праву, законам о банкротстве, конкуренции, частной собственности и могут реализовывать свои права путем беспристрастных судебных процессов через независимую судебную систему;
- 7) предприятия могут свободно получать доступ к соответствующей информации, на которой основываются их деловые решения; и
- 8) нет никакого существенного вмешательства государства в бизнес-решения предприятий, описанных выше. [18]

В документе намечены подходы к дальнейшему ограничению государственной поддержки в соответствии с нормами Соглашения ВТО по субсидиям и компенсационным мерам). [19] Прежде всего, это касается деятельности на внешних рынках госпредприятий (state owned enterprises/SOE) и компаний, контролируемых государством (state controlled enterprises/SCE).

3.2 Прикладные аспекты возможного решения проблемы

В практическом плане эти предложения направлены, в первую очередь, против Китая, но могут быть применены и к ряду других стран (включая Россию), которые в истекшем десятилетии расширяли сферу госрегулирования и поддержку «национальных чемпионов» на глобальных рынках с нарушением рыночных принципов. Помимо этого, ЕС, США и Великобритания стали отрабатывать на национальном уровне практику реализации новых мер, которые затрагивают не только торговли товарами, но и инвестиций.

Кроме того, ЕС и США уже несколько лет внимательно изучают практику Российской Федерации в части соответствия ее экономики рыночному статусу не

только в рамках процедур нотификаций (уведомлений) ВТО, но на двустороннем уровне. В итоге ими зафиксированы искажения рыночных принципов в России, что может стать основанием для применения специальных мер (в т.ч. компенсационных пошлин). в отношении российского экспорта, а также ставят под сомнение рыночный статус страны. [20]

Так, в марте 2021 г. США впервые ввели компенсационные пошлины (направленные против субсидированного экспорта) в отношении российской продукции – фосфорных удобрений (в размере 9-47% для различных отечественных компаний). При этом основную долю субсидий российским предприятиям американская сторона усмотрела в продаже им природного газа «по цене ниже адекватной стоимости» (т.е. ниже рыночной). [21]

Чтобы прийти к этому выводу, Минторг США признал Газпром и Роснефть государственными структурами, и установил, что «продажа ими природного газа российским компаниям является предоставлением товара от имени государства по ценам ниже рыночных». При этом, поскольку рынка газа в России «искажен государственным вмешательством», для сравнения была использована цена газа в ЕС. [22]

Также в США ведутся два компенсационных расследования по России (по бесшовным трубам и гранулированному тефлону). Пока данные меры в отношении российских товаров носят единичный характер, но возможно подход американской стороны станет сигналом и для других торговых партнеров нашей страны. Но уже очевидно, что США *де-факто* начинают применять к России и ее экспортерам изъятия из нормального «рыночного режима».

Представляется, что одним из оснований для применения ограничительных мер против России является постепенное огосударствление отечественной экономики, в которой доля госкорпораций и госкомпаний (преимущественно энергосырьевых) в экспорте страны достигает сейчас 40-50%. По оценкам зарубежных экспертов, ряд федеральных и региональных программ поддержки в России не соответствуют рыночным принципам, содержат элементы индивидуальных льгот для отдельных секторов и компаний. Реализация программ импортзамещения и система ценообразования в стране также вызывают вопросы стран-членов ВТО.

Дополнительными проблемами является неполное и несвоевременное предоставление обязательной и адекватной информации российской стороной по данным проблемам как в рамках ВТО, так и на двустороннем уровне. [23]

Поэтому российским властям следует с вниманием отнестись к новым угрозам, так как механизмы субсидирования отечественной экономики и деятельности госкомпаний, как представляется, могут не соответствовать рыночным критериям и юридически обоснованным претензиям со стороны ведущих торговых партнеров страны.

В этой связи заинтересованным ведомствам (Минпромторг, Минэкономразвития, Минфин и др.) предлагается:

1) провести инвентаризацию российского законодательства и нормативно-правовых актов, включая законопроекты, а также практики их применения на предмет соответствия имеющимся и разрабатываемым критериям рыночной экономики и правилам ВТО, особенно в сфере ценообразования, механизмов субсидирования и программ импортзамещения, деятельности госкорпораций и компаний с госучастием на внешних рынках;

2) начать процедуры отмены (пересмотра) выявленных проблемных норм в правовых актах и практике;

3) представить в ВТО нотификации по субсидиям, государственным торговым предприятиям и смежным вопросам, а также ответы на вопросы отдельных стран-членов по данным проблемам;

4) инициировать консультации с ведущими торговыми партнерами с целью представления позиции российской стороны по данным проблемам и снятия части их претензий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нормализация ситуации в мировой экономике возможна, прежде всего, только после завершения в целом пандемии коронавируса, которая создает большую неопределенность во всех сферах жизнедеятельности, включая международные экономические отношения. Выход из глобального кризиса 2020 г., в свою очередь, будет определяться прежде всего имеющимся экономическим потенциалом и источниками роста как в отдельных регионах, так и в крупнейших государствах мира.

Один из главных вопросов в настоящее время – что будет с глобальной экономикой после 2021-2022 гг., когда потенциал восстановительного роста будет исчерпан, и какие факторы станут драйверами развития обновленного мирового хозяйства в текущем десятилетии.

Для прошлогоднего этапа развития мировой экономики был характерен относительно слабый спрос, низкая инвестиционная активность бизнеса, протекционизм и нарастающий масштаб задолженности государственного и частного секторов, особенно в ряде развивающихся стран. В этой связи после глобального спада, по мнению многих экспертов, ожидается восстановительный период, а затем, возможно, затяжной этап низкого экономического роста в мире. При этом динамика развития в различных секторах МЭО будет неоднородной.

Как показывает анализ эволюции современной глобализации за прошедшие 30 лет, она происходила неравномерно в различные периоды и за счет доминирования разных факторов. Так, в самом конце XX века бурными темпами росли потоки ПИИ, а динамика роста международной торговли в 1,5 раза превышала рост глобального ВВП. В 2000-е годы приоритетными направлениями стали развитие мировой торговли и глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦС), но в истекшем десятилетии значимость указанных факторов в формировании глобального экономического роста резко сократилось.

Уже в 2020 г. наметились тенденции реструктуризации ГЦС в сторону сокращения количества межстрановых звеньев и увеличения национальной (местной) компоненты даже за счет роста издержек. Это обусловлено стремлением прежде всего западных государств сократить зависимость от китайских поставок, а также развивать производство критически важной продукции (медицина и фармацевтика, информационные технологии, автомобилестроение и пр.) на собственной базе в силу соображений национальной экономической безопасности.

Таким образом, усиливаются и другие факторы деглобализации – происходит усугубление государственного вмешательства во внешнеэкономические процессы (т.н. нерыночные практики) и проявляются тенденции национальных экономик к частичной закрытости. Однако глобальные цепочки поставок по-прежнему являются источником экономической силы, а не слабости. В этом контексте следует понимать, что устойчивость развития национального хозяйства исходит не от автаркии, а от разнообразных источников снабжения и сбыта, в том числе и внешних.

Уже общепризнано, что после пандемии и последующего кризиса могут произойти серьезные изменения и даже частичная трансформация системы международных экономических отношений. В настоящее время мировая экономика стоит на перепутье, в поисках магистрального направления дальнейшего развития, как минимум, на ближайшее десятилетие. Здесь сталкиваются различные глобальные концепции и подходы, подчас политизированные или популистские, хотя требуется рациональные и прагматичные решения проблем устойчивого роста.

Кроме того, накопившиеся экономические диспропорции в мире (в том числе и как последствия глобализации) тесно переплетаются с обострением социальных, политических, экологических и технологических проблем. Это означает, что здесь требуется комплексные решения данных вопросов, а также выделение приоритетов, которые приемлемы для большинства стран мира, поэтому дискуссия о будущем МЭО будет неизбежно продолжаться.

Среди ключевых долгосрочных изменений глобального характера необходимо отметить ускоренный энергопереход (активизация климатической политики многих стран, приоритет «зеленой» повестки и проектов по снижению углеводородных и прочих вредных выбросов). Климатическая повестка долгое время отвергалась российской стороной, затем наступила стадия частичного признания и попытки имитационных действий в этой сфере, но сейчас наступает непростое время для реализации адекватных планов с целью сокращения рисков для устойчивого развития отечественной экономики, а не только организационно-административных мероприятий.

Учитывая проблемы, указанные выше, ведущие страны мира в современных условиях на основе анализа и прогноза постковидной эры разрабатывают национальные стратегии действий на среднесрочной период в сфере международных экономических отношений.

В настоящее время в международной экспертной среде доминирует мнение, что Китай станет единственным из крупных государств, которое выйдет из кризиса с позитивным балансом и будет во многом определять тенденции развития глобального роста в текущем десятилетии. С другой стороны, агрессивная экспансия в глобальном измерении и относительная закрытость внутреннего рынка КНР вызывает настороженность многих стран мира, что будет препятствовать сближению позиций сторон. В этом состоит двойственность глобальных позиций Китая на перспективу, что добавляет элементы неопределённости в развитие системы МЭО.

На современном этапе Китай, как и раньше, выступает поборником становления нового этапа глобализации, освоенной на мультикультуризме и мультилатерализме (многосторонности), в том числе в сфере МЭО. Такая позиция объясняется тем, что КНР стал одним из главных бенефициаров предыдущих этапов глобализации, умело используя ее возможности и преимущества, на фоне игнорирования части свои международных обязательств.

При этом свою концепцию становления новой системы международных экономических отношений (хотя отдельные ее элементы просматриваются) еще не предложила администрация США, пока что преимущественно решающая проблемы национальной экономики. Однако можно предположить, что внешнеэкономическая политика США по сравнению с предыдущим четырехлетием будет профессионально более целеустремленной и последовательной, что повышает ее предсказуемость, и благоприятно отразится на тенденциях развития МЭО в целом.

Приоритетом останутся отношения с Китаем, который в официальных документах называется соперником (*rival*) Соединенных Штатов, но не врагом (*enemy*), как там же сказано в отношении России. Вместе с тем, противостояние США и КНР будет продолжаться, и последствия этого конфликта будут отражаться на экономике третьих стран.

Евросоюз в контексте «великой перезагрузки» – нового термина, предложенного главой ВЭФ К.Швабом – рассматривает в качестве основы своего дальнейшего развития использование «зеленой» экономики и цифровизации. В более широком смысле речь здесь идет о климате, устойчивом развитии и инновациях.

Однако многие эксперты считают, что ЕС входит в постковидную фазу развития более ослабленным и менее консолидированным, чем это было до пандемии. Поэтому Евросоюзу потребуется время и целенаправленные действия для

восстановления утраченных позиций как внутри группировки, так и на международной арене.

В свою очередь, Великобритания будет стремиться восстановить после Брексита статус глобальной державы в международных экономических отношениях. Приоритетом Соединенного Королевства станет широкое развитие беспошлинной торговли, поставок услуг и интеграционных связей с различными государствами мира (вне еврозоны) с акцентом на страны Содружества наций, а также Индо-Тихоокеанского региона (Indo Pacific region).

Показательно, что в новых стратегиях ключевых держав мира Россия (как и государства постсоветского пространства в целом) не рассматриваются как потенциально ведущие партнеры или влиятельные игроки в сфере МЭО. Это обусловлено как невысоким внешнеэкономическим потенциалом страны в глобальном измерении, так и противодействующими геополитическими факторами.

Точкой отчета для выработки новой геэкономической стратегии России должны стать приоритеты долгосрочного социально-экономического развития страны. При том российская сторона должна учитывать свои обязательства в рамках ЕАЭС, а такое совмещение национальных и наднациональных интересов, как показала практика последних лет, представляется сложной задачей.

Исходя из текущего внешнеполитического курса страны, союзниками (сторонниками, партнерами по коалиции) России вряд ли станут развитые государства, а скорее всего – Китай и ряд развивающихся стран. В противном случае Россия будет вынуждена присоединиться к инициативам и альянсам других ведущих государств мира на правах второстепенного участника международных экономических отношений.

В этих условиях Российской Федерации необходимо найти свою нишу, причем не в качестве сырьевого поставщика, значение которого будет падать. Необходимо изменить пассивную (а подчас неконструктивную) позицию и определить новое позиционирование России в реформируемых МЭО, причем не на уровне традиционных деклараций, а реальных действий на глобальном уровне в качестве ответственного и равноправного игрока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. U.S. Trade Policy Primer: Frequently Asked Questions. // Congressional Research Service. [2021]. – URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R45148.pdf> (дата обращения: 10.марта.2021).

2. COVID-19 set to transform international production significantly, says UN Report // UNCTAD. [2020]. – URL: <https://unctad.org/press-material/covid-19-set-transform-international-production-significantly-says-un-report> (дата обращения: 10.марта.2021).
3. World Investment Report 2020 (Overview) [English] // UNCTAD. [2020]. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_overview_en.pdf (дата обращения: 10.марта.2021).
4. Message in a bottleneck: Don't give up on globalization // The Economist. [2021]. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2021/03/31/global-supply-chains-are-still-a-source-of-strength-not-weakness> (дата обращения: 10.мая.2021).
5. Trade after Trump: can the Biden administration shore up the eroding foundations of American leadership? (Working Paper, EUI RSC, 2021/17, Global Governance Programme-436, [Global Economics]) // European University Institute. [2021]. – URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/69836/RSC%202021_17.pdf (дата обращения: 10.марта.2021).
6. WORLD ECONOMIC LEAGUE TABLE 2021. A world economic league table with forecasts for 193 countries to 2035 // The Centre for Economics and Business Research - CEBR. [2021]. – URL: <https://cebr.com/wp-content/uploads/2021/02/WELT-2021-final-15.01.pdf> (дата обращения: 10.марта.2021).
7. Экономика Китая может обогнать США к 2028 году. А где будет Россия? // BBC News. Русская служба. [2020]. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-55449234> (дата обращения: 10.марта.2021).
8. Пахомов А.А. БРИКС набирает вес. Страны БРИКС в мировом «клубе инвесторов» // Азия и Африка сегодня (№4). [2012]. – URL: http://archive.asaf-today.ru/images/AA_nomers/2012/201204/Pakhomov_BRIKS.pdf (дата обращения: 10.октября.2021).
9. Баландина Г.В., Воловик Н.П., Макаров А.И., Пахомов А.А., Приходько С.В. Поддержка инновационной деятельности: внешнеэкономический аспект. Москва: Дело, 2012. 218 pp.
10. World trade primed for strong but uneven recovery after COVID-19 pandemic shock // WTO. [2021]. – URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres21_e/pr876_e.htm (дата обращения: 10.мая.2021).
11. Эксперты прогнозируют снижение числа ограничений в мировой торговле // Российская газета. [2020]. – URL: <https://rg.ru/2020/12/31/eksperty->

prognoziruiut-snizhenie-chisla-ogranichenij-v-mirovoj-torgovle.html (дата обращения: 10.марта.2021).

12. Багдасарян К.М. Критический анализ работ отечественных исследователей, посвященных экономическим санкциям против России и ответным мерам // Экономическое развитие России (т. 27. № 2). [2020]. – URL: http://edrussia.ru/images/pdf/2020/02/red_0220_Bagdasaryan.pdf (дата обращения: 10.октября.2021).

13. The Regional Comprehensive Economic Partnership: Status and Recent Developments // Congressional Research Service. [2020]. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN11200> (дата обращения: 10.марта.2021).

14. Багдасарян К.М. Анализ модели экономической интеграции // Журнал экономической теории (Т. 16. — №3). [2019]. – URL: https://jet-russia.com/wp-content/uploads/2021/04/04_Bagdasaryan.pdf (дата обращения: 10.октября.2021).

15. The significance of TPP for Sri Lanka // Wijeya Newspapers Ltd. [2015]. – URL: <http://www.ft.lk/article/485931/The-significance-of-TPP-for-Sri-Lanka> (дата обращения: 20.сентября.2020).

16. Пахомов А.А. Конкурентоспособность российской экономики и отечественных компаний в глобальном измерении: внешнеэкономический аспект // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. [2011]. – URL: <https://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/c/1335/file/Ekonomika-2-2011.pdf> (дата обращения: 10.июня.2020).

17. Пахомов А.А., Багдасарян К.М. Проблемы участия государств ЕАЭС в деятельности ВТО // Экономическое развитие России (Т.23, №11). [2016]. – URL: <https://www.iер.ru/files/RePEc/gai/ruserr/ruserr-2016-11-757.pdf> (дата обращения: 20.сентября.2020).

18. Importance of Market-Oriented Conditions to the World Trading System, Statement from Brazil, Japan, and the United States, WT/GC/W/803/Rev.1. // WTO. [2020]. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W803R1.pdf&Open=True> (дата обращения: 10.сентября.2020).

19. Agreement on Subsidies and Countervailing Measures; the Results of the Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations (The Legal Texts)» // WTO. [1995]. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/legal_texts_e.htm (дата обращения: 10.сентября.2021).

20. European Commission staff working document on significant distortions in the economy of the Russian Federation for the purposes of trade defense investigations // European Commission. [2020]. – URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2020/october/tradoc_158997.pdf (дата обращения: 10.сентября.2021).

21. США введена компенсационная пошлина в отношении фосфорных удобрений из России // Минэкономразвития России. [2021]. – URL: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/dostup_na_vneshnie_rynki_i_zashchitnye_mery/ssha_vvedena_kompensacionnaya_poshlina_v_ot_noshenii_fosfornyh_udobreniy_iz_rossii.html (дата обращения: 10.сентября.2021).

22. Phosphate Fertilizers From the Russian Federation: Final Affirmative Countervailing Duty Determination // Federal Register / Vol. 86, No. 29 /. [2021]. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-02-16/pdf/2021-03010.pdf> (дата обращения: 10.сентября.2021).

23. Questions posted by the United States regarding the new and full notifications of the Russian Federation (WTO.G/SCM/Q2/RUS/21) // WTO. [2021]. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/G/SCMQ2/RUS21.pdf&Open=True> (дата обращения: 10.сентября.2021).

24. Статья VI «Антидемпинговая и компенсационная пошлина» Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (ГАТТ-94) // ГАРАНТ. [1994]. – URL: <https://base.garant.ru/4059975/> (дата обращения: 10.сентябр.2021).